

Нин Сихуэй быстро умылся и переоделся в чистую одежду. Поскольку размер был великоват, ему пришлось завернуть длинные рукава.

В гостиной, прямо перед диваном, виновато сжавшийся Мяньхуа сидел перед Цинь Чжиюэ и Е Шухэ, ожидая нагоняя. Е Шухэ, заметив спускающегося по лестнице Нин Сихуэя, легонько постучала набалдашником своей трости по голове пса:

— Иди, попроси прощения у брата Сяо Хуэя.

Мяньхуа тихонько твякнул, поднял переднюю лапу и поскреб колено Цинь Чжиюэ. Тот безжалостно отстранил его:

— Иди извиняйся.

— Гав...

Мяньхуа, грустно опустив уши, поплелся к Нин Сихуэю и жалобно заскулил. Подавляя невольное отторжение, Нин Сихуэй наклонился, погладил пса по голове и мягко улыбнулся:

— Ничего страшного. В следующий раз не балуйся.

Стоило ему дважды погладить собаку, как та тут же тряхнула головой, отстраняясь от его руки, и помчалась к Цинь Чжиюэ, отчаянно виляя хвостом в попытке подлизаться:

— Гав-гав!

Цинь Чжиюэ подхватил лежавший рядом мячик и бросил его к выходу — пес тут же припустил за ним.

— Вот же щенок, — со смехом вздохнула Е Шухэ и похлопала по месту рядом с собой: — Сихуэй, садись сюда.

Нин Сихуэй сел и с беспокойством спросил:

— Бабушка, как ваше самочувствие в последнее время?

Е Шухэ взяла его за руку и с нежностью ответила:

— Все хорошо. Просто пару дней назад мучил кашель и слабость, вот и не удалось попасть на помолвку.

— Самое главное — ваше здоровье.

— Ха-ха-ха, какой же ты послушный ребенок. Ну, ешь фрукты.

Прищурившись, Е Шухэ пододвинула к нему тарелку и перевела взгляд:

— Ну а как у вас с Чжияэ в последнее время отношения?

Нин Сихуэй воткнул вилку в кусочек дыни, встретился глазами с Цинь Чжияэ и выдал ответ, ничем не отличавшийся от предыдущих:

— Все хорошо.

Цинь Чжияэ хмыкнул. В этот раз в его согласии не было ни капли притворства: за последние несколько дней они действительно стали ближе, а их переписка за двое суток превысила объем общения за целых два года.

Неизвестно, поверила ли Е Шухэ, но допрашивать их о прогрессе в чувствах она не стала:

— Чжияэ, ты уже на третьем курсе, пар в университете ведь стало меньше? Твой брат просил передать: если есть время, иди в компанию, поучись у отца.

Цинь Чжияэ скривился:

— У меня нет времени. Если ему нужно учиться — пусть сам и идет.

Е Шухэ прикрикнула на него:

— Да он опять удрал в какую-то глушь в очередную экспедицию!

— Тогда чего вы на меня смотрите? Вы же сами ему потакали, когда молчали о том, что он самовольно изменил мое заявление на поступление. Я до сих пор на вас в обиде.

Изначально Цинь Чжияэ подавал документы на компьютерные специальности, но в последний момент его старший брат, обожающий свободу и приключения, изменил выбор на финансы. Вся семья, оправдываясь тем, что компании нужны управленцы, притворилась, что не в курсе, на деле же поощрив эту гнусную выходку, чем довела Цинь Чжияэ до белого каления.

При упоминании этого случая тон Е Шухэ стал неуверенным:

— Но ты ведь тоже неплохо справляешься...

Цинь Чжияэ развалился на диване:

— Я просто не хочу тратить время на перевод, это не значит, что я смирился с вашим произволом. У меня свои планы на бизнес. Пусть отец сам управляет своей компанией, а если не справляется — пусть они с мамой заводят еще одного наследника.

— Что ты такое говоришь! — бабушка слегка пнула его ногой и проворчала: — Нигде больше не видела таких, как вы с братом: огромное состояние для вас словно навоз, каждый норовит убежать от него подальше. А посмотри на другие семьи — грызутся за наследство до крови...

Ее ворчание внезапно оборвалось. С досадой закончив тему, она с любовью посмотрела на Нин

Сихуэя:

— Дыня-то сладкая, правда?

Нин Сихуэй, тщательно прожевав, кивнул с улыбкой и свободной рукой легонько сжал запястье старушки. Е Шухэ глубоко вздохнула и погладила его по щеке:

— В холодильнике еще больше половины осталось. Доешь после ужина или возьми с собой домой.

— Хорошо, спасибо, бабушка.

Цинь Чжиюэ переводил взгляд с Е Шухэ на Нин Сихуэя, выуживая из памяти обрывки сплетен. Когда-то семья Нин была первым по знатности родом в Хуайгане, но со временем они не смогли угнаться за переменами эпохи и постепенно пришли в упадок. Их активы и статус уже давно не были прежними, зато дед и отец Нин Сихуэя были известными ловеласами, наплодившими кучу незаконнорожденных детей, каждый из которых рвал жилы, чтобы отхватить кусок наследства.

До того, как Чжоу Чу, мать Нин Сихуэя, вышла замуж за представителя семьи Нин, у него уже было двое незаконнорожденных старших брата и сестра. Они были весьма изворотливы, имели немалый вес в семейной группе и целенаправленно травили Нин Сихуэя — единственного законного наследника. Чжоу Чу не оставалось ничего иного, кроме как воспользоваться давней шутиливой договоренностью между Е Шухэ и бабушкой Нин Сихуэя, чтобы связать его с Цинь Чжиюэ и тем самым укрепить его положение наследника.

Если до расторжения помолвки Нин Сихуэй не сможет взять управление бизнесом в свои руки, то, вернувшись в семью Нин, он окажется в еще более отчаянном положении. Размышления Цинь Чжиюэ прервались, когда он снова взглянул на отстраненное, чистое лицо Нин Сихуэя. Трудно было представить, как такой человек будет выживать в трясине интриг и борьбы за власть.

Взгляд, задержавшийся на лице слишком надолго, стал замечен. Нин Сихуэй, не в силах больше его игнорировать, протянул тарелку:

— Хочешь попробовать кусочек? Она очень сладкая.

Цинь Чжиюэ, не меняясь в лице, пришел в себя:

— Не хочу, скоро ужинать.

— Оу.

За ужином под заботливым присмотром Е Шухэ Нин Сихуэй съел две порции риса. После еды он еще немного посмотрел с бабушкой телевизор, а когда стемнело, собрался уходить. Е Шухэ попыталась его удержать:

— Останься на ночь.

Нин Сихуэй слегка обнял ее:

— Бабушка, завтра у меня пары с восьми утра. В следующий раз обязательно останусь.

— Ну ладно. — Е Шухэ громко позвала: — Сяо Лю, заверни Сихуэю ту половину дыни, что в холодильнике.

Нин Сихуэй, не желая обременять прислугу, отозвался:

— Я сам возьму.

Он пошел на кухню, а Цинь Чжиюэ прислонился к дверному косяку, дожидаясь его. Е Шухэ подошла ближе, потянула Цинь Чжиюэ за рукав и прошептала:

— У вас с Сихуэем хоть какой-то прогресс есть?

Цинь Чжиюэ слегка нахмурился и покачал головой:

— Да нет, наверное.

— Эх, — вздохнула Е Шухэ. — Ладно, если не ладится, так тому и быть. Как закончите университет, расторгните помолвку.

Цинь Чжиюэ удивился:

— Бабушка, вы меня совсем запутали. Это же вы настаивали на помолвке, а теперь, спустя всего пару дней, стали такой рассудительной?

Е Шухэ легонько ущипнула его:

— Раз вы не приглянулись друг другу, разве могу я жертвовать вашим счастьем на всю жизнь? Когда-то мать Сихуэя говорила со мной и просила не принуждать семью Цинь к исполнению этого обязательства, но очень надеялась, что помолвка сохранится хотя бы до тех пор, пока Сихуэй успешно не окончит университет. Эх, когда мы с твоим дедом только начинали бизнес, именно бабушка Сихуэя помогла найти людей и собрать средства, благодаря чему семья Цинь сейчас процветает. Мы обязаны помнить этот долг всю жизнь, обидели мы тебя.

Цинь Чжиюэ усмехнулся:

— Да какая это обида — два года в помолвке? В сравнении с тем, что вы подделали мое заявление, это сущие пустяки.

Е Шухэ сделала вид, что не расслышала, и, опираясь на трость, развернулась:

— Сихуэй, ты упаковал дыню? Бабушка устала, пойду отдохну в комнату. Будьте осторожны по

дороге, попроси Чжиюэ ехать помедленнее.

Нин Сихуэй вышел, держа в руках пакет с дыней:

— Хорошо, бабушка, доброй ночи.

— Доброй ночи, славный мальчик.

Выйдя на улицу плечом к плечу с Цинь Чжиюэ, Нин Сихуэй обеспокоенно заметил:

— Еще и восьми нет, а бабушка уже устала. Может, она не до конца оправилась?

Цинь Чжиюэ хмыкнул:

— Все с ней в порядке. Просто совесть нечиста.

— Почему?

— Из-за того, что изменила мое заявление.

Нин Сихуэй помолчал несколько секунд, затем повернул голову к нему:

— Ты ведь знал, что они его изменили, еще до того, как истек срок подачи? Почему не исправил обратно?

Цинь Чжиюэ искоса взглянул на него:

— Откуда ты знаешь, что я знал? Ты ведь тогда еще не пришел в Синхэ.

Нин Сихуэй поджал губы, глядя под ноги:

— Услышал краем уха на вечеринке после начала семестра, Ли Юньань рассказывал.

— И ты хранил это сомнение все это время?

Цинь Чжиюэ не увидел за 94% никаких смайликов, и в нем проснулось вредное любопытство. Он приподнял бровь и поддразнил:

— Значит, можно сказать, что ты все это время думал обо мне?

На мгновение в глазах Нин Сихуэя промелькнула растерянность. Он крепче сжал ручки пакета, сохраняя на лице спокойствие:

— Просто вспомнил об этом, когда услышал ваш разговор с бабушкой, вот и решил спросить.

Уровень симпатии: 94% [Смятение].

Уровень симпатии: 95% [Застенчивость].

Заметив краем глаза изменение показателей, Цинь Чжиюэ разгладил брови:

— Прости, я сморозил глупость. Не бери в голову.

— М-м.

<http://bllate.org/book/21946/2280138>